

Посвящается Эрин и Мелоди — ваш подкаст принес мне много радости за последние несколько лет, и я надеюсь, что предмет гордости Аида — его полы — подарят вам немного радости в ответ.

Глава 1

Персефона

— Терпеть не могу эти вечеринки.

— Смотри, чтобы мама тебя не услышала.

Я оглядываюсь на Психею.

— Ты тоже их ненавидишь.

Я потеряла счет мероприятиям, на которые мать таскала нас долгие годы. Она всегда сосредоточена на следующей добыче, на новой фигуре, которой можно сделать ход в шахматной партии, где правила известны ей одной. Возможно, мне было бы легче их выносить, если бы я не чувствовала себя одной из ее пешек.

Психея встает рядом и подталкивает меня плечом.

— Знала, что найду тебя здесь.

— Это единственная комната, в которой я могу спокойно находиться. — Даже учитывая, что этот зал статуй — воплощение гордыни.

Это относительно простое помещение (если блестящие мраморные полы и со вкусом оформленные серые стены можно назвать простыми) заполнено тринадцатью полноразмерными скульптурами, свободно

расставленными по периметру. По одной в честь каждого члена Тринадцати — группы, правящей Олимпом. Я мысленно называю имена каждого, переводя взгляд с одной статуи на другую: Зевс, Посейдон, Гера, Деметра, Афина, Арес, Дионис, Гермес, Артемида, Аполлон, Гефест, Афродита. Поворачиваюсь лицом к последней статуе. Она накрыта черной тканью, которая скрывает ее очертания и собирается на полу у ног. Но даже под ней невозможно не разглядеть широкие плечи и остроконечную корону, украшающую его голову. Пальцы так и чешутся от желания схватить ткань и сорвать ее, чтобы наконец-то увидеть черты его лица.

Аид.

Через несколько коротких месяцев я отвоюю у этого города свою свободу, сбегу и больше не вернусь. Другой возможности увидеть лицо призрака Олимпа у меня не будет.

— Разве не странно, что на его место так никого и не назначили?

Психея смеется.

— Сколько раз мы уже это обсуждали?

— Да брось. Сама знаешь, что это странно. Они — Тринадцать, но их всего двенадцать. Аида нет. И уже очень давно.

Аид — правитель нижнего города. Или, по крайней мере, был им. Это наследуемый титул, а весь его род давным-давно угас. Теперь нижний город формально находится под властью Зевса, как и все мы. Но, насколько я слышала, он никогда не был по другую сторону реки. Пересечь реку Стикс, как и покинуть Олимп, сложно по одной причине: по слухам, при переходе через преграду возникает чувство, будто

голова вот-вот взорвется. Никто не захочет переживать подобное по собственной воле. Даже Зевс.

Тем более я сомневаюсь, что люди в нижнем городе станут угождать ему, как это делает каждый житель верхнего. Такие неудобства и никакой отдачи? Неудивительно, что Зевс старается не переходить реку, как и все мы.

— Аид единственный никогда не бывал в верхнем городе. Оттого мне кажется, что он был не таким, как все остальные.

— Не был, — невозмутимо отвечает Психея. — Легко это вообразить, когда он мертв, а титула больше не существует. Но все из Тринадцати одинаковые, даже наша мать.

Она права — знаю, что права, — но не могу перестать фантазировать. Протягиваю руку, но замираю, не успев дотронуться до лица статуи. К его утраченному наследию меня влечет одно лишь нездоровое любопытство, и оно не стоит тех неприятностей, в которые я попаду, если поддамся соблазну сорвать темную вуаль. Я опускаю руку.

— Что мать задумала сегодня?

— Не знаю, — вздыхает она. — Хотелось бы мне, чтобы Каллисто была здесь. Она, по крайней мере, могла бы ненадолго поставить мать на паузу.

Я и три мои сестры нашли разные способы приспособиться к тому, что наша мать стала Деметрой и мы попали в блистательный мир, существующий лишь для Тринадцати. Он настолько ярок и экстравагантен, что ему почти удается отвлечь внимание от своего ядовитого нутра. Вариантов у нас было немного: приспособиться или пойти ко дну.

Я заставляю себя играть роль яркой, блистательной, всегда послушной дочери, тем самым давая Психее возможность вести себя тихо, спокойно и оставаться в тени. Эвридика на грани отчаяния цепляется за каждую частичку жизни и радостного волнения, что может найти. А Каллисто? Каллисто воюет с матерью с яростью, достойной арены. Она никогда не сломается и не прогнется, поэтому мать освобождает ее от этих обязательных мероприятий.

— И к лучшему, что не пришла. Если Зевс начнет подкатывать к Каллисто, она может попытаться его выпотрошить. Тогда нам и в самом деле придется отвечать за случившееся.

Единственный человек в Олимпе, который (по слухам) убивает без последствий — якобы — сам Зевс. Все остальные должны соблюдать законы.

Психея содрогается.

— Он к тебе приставал?

— Нет, — я мотаю головой, продолжая разглядывать статую Аида.

Нет, Зевс не прикасался ко мне, но на двух последних мероприятиях, на которых мы присутствовали, я постоянно чувствовала на себе его взгляд. Именно поэтому я пыталась отпроситься сегодня, но мама чуть ли не силой вытащила меня за дверь. Внимание Зевса не приносит ничего хорошего. Все всегда заканчивается одинаково: женщины разбиты, а Зевс уходит, избежав даже дурного заголовка, способного повредить его репутации. Против него лишь раз выдвинули обвинения несколько лет назад, но разыгрался такой скандал, что женщина исчезла еще до того, как дело дошло до суда. Самый оптимистичный исход состоит в том, что ей каким-то образом удалось унести ноги из

Олимпа, но более реалистичный — что Зевс добавил ее к предполагаемому списку жертв.

Нет, уж лучше избегать его в любом случае.

Что было бы значительно проще сделать, не будь моя мать одной из Тринадцати.

От знакомого энергичного стука каблуков по мраморному полу мое сердце начинает биться чаще. Мать всегда шагает так, будто рвется в бой. На миг я всерьез подумываю спрятаться за накрытой статуей Аида, но тут же отбрасываю эту мысль, пока мама еще не появилась в дверях галереи. Прячась, я только отсрочу неизбежное.

— Вот вы где!

Сегодня на ней темно-зеленое платье, которое струится по ее телу и отлично подходит роли матери-Земли. Мама решила, что этот образ лучше всего соответствует воплощаемому ей амплу женщины, которая следит за тем, чтобы город не голодал. Ей нравится, когда люди видят добрую улыбку и протянутую руку помощи, но не обращают внимания на то, что она с радостью расстреляет любого, кто встанет у нее на пути.

Мать останавливается перед собственной статуей. Скульптура щедро одарена изгибами и облачена в длинное платье, которое сливается с цветами, растущими у ее ног. На голове цветочный венок, а улыбка на лице столь безмятежна, будто матушка познала все тайны вселенной. Как-то раз я застала ее, когда она оттачивала перед зеркалом такое выражение лица.

Мама поворачивается к нам, изогнув губы в улыбке, но ее глаза остаются холодными.

— Вы должны общаться с людьми.

— У меня болит голова. — Под этим предлогом я пыталась отвертеться от присутствия на сегодняшнем

мероприятии. — Психея просто справлялась о моем самочувствии.

— Хм, — качает головой мама. — Вы обе становитесь такими же бестолковыми, как и ваши сестры.

Знала бы я, что быть бестолковой — самый верный способ избежать маминого вмешательства в мою жизнь, то взялась бы именно за эту роль вместо выбранной. Теперь слишком поздно менять линию поведения, но при мысли о том, чтобы вернуться на вечеринку, головная боль, которую я симулировала, начинает и правда меня беспокоить.

— Я сегодня уйду пораньше. Кажется, боль скоро превратится в мигрень.

— Ни в коем случае, — она говорит вполне любезно, но в ее голосе слышатся стальные нотки. — Зевс хочет с тобой поговорить. Совершенно незачем заставлять его ждать.

Мне на ум приходит как минимум дюжина отговорок, но я знаю, что мама не станет выслушивать ни одну из них. И все же нужно попытаться.

— Знаешь, ходят слухи, что он убил всех трех бывших жен.

— Так хлопот меньше, чем с разводом.

Я хлопаю глазами. Искренне не могу понять, шутит она или нет.

— Мама...

— Ой, да расслабься. Ты слишком напряжена. Поверьте, девочки. Мне лучше знать.

Мама, вероятно, самый умный человек, которого я знаю, но ее цели не мои цели. И все же простого выхода из ситуации нет, и я послушно иду за ней из зала бок о бок с Психеей. На миг мне кажется, будто я спиной чувствую напряженный взгляд статуи Аида,

но это фантазия чистой воды. Аид — утраченный титул. А даже будь это не так, моя сестра права: он был бы точно таким же, как и все остальные.

Мы выходим из галереи и возвращаемся на вечеринку по длинному коридору. Он ровно такой же, как и все в башне Додона: огромный, дорогой и чрезмерный. Коридор как минимум вдвое шире, чем нужно, а каждая дверь, мимо которой мы проходим, почти на полметра выше обычной. Бордовые шторы висят от потолка до пола и стянуты по обеим сторонам от дверей — дополнительный экстравагантный штрих, который в этом помещении ни к чему. Возникает ощущение, будто ты во дворце, а не в небоскребе, возвышающемся над верхним городом. Можно подумать, кто-то рискует забыть, что Зевс величает себя современным королем. Честно признаться, я удивлена, что он не разгуливает с короной на голове под стать своей статуе.

Банкетный зал под стать всему остальному в этом здании. Огромное открытое пространство, одна стена которого — это окна и несколько стеклянных дверей, ведущих на балкон с видом на город. Мы находимся на верхнем этаже башни, и вид отсюда открывается поистине великолепный. С этого места можно увидеть большую часть верхнего города и извилистую черную полосу — иными словами, реку Стикс. А что же на другой стороне? Нижний город. Внешне он не так уж сильно отличается от верхнего, однако может с тем же успехом быть на Луне: все равно большинству из нас до него не добраться.

Этим вечером балконные двери плотно закрыты, чтобы ледяной ветер никому не причинил беспокойства. А темнота превратила стекла в искаженное

отражение зала. Все одеты с иголки, пестрят радугой дизайнерских платьев и смокингов, сверкают адски дорогими украшениями. По мере того, как люди продвигаются сквозь толпу, общаются, заводят знакомства и источают прекрасный яд с накрашенных красной помадой губ, в балконных стеклах рождается тошнотворный калейдоскоп. Это напоминает мне кривые зеркала в комнате смеха. В отражении все не то, чем кажется, несмотря на всю мнимую красоту.

Оставшиеся три стены увешаны огромными портретами двенадцати активных членов Тринадцати. Все картины написаны маслом, согласно традиции, корнями уходящей ко временам возникновения Олимпа. Можно подумать, Тринадцать действительно считают себя подобными монархам прошлого. С несколькими портретами художник явно позволил себе вольность. В особенности молодая версия Ареса совсем не похожа на самого человека. Возраст, конечно, меняет людей, но его челюсть никогда не была такой квадратной, а плечи широкими. К тому же художник запечатлел его с огромным мечом в руке, а я точно знаю, что этот Арес завоевал свое положение повиновением на арене, а не на войне. Но это, полагаю, не способствует столь величественному образу.

Лишь определенный тип людей способен сплетничать, вертеться в обществе себе подобных и наносить удары в спину, пока их копия наблюдает за ними с портрета, но среди Тринадцати полно таких монстров.

Мама пробирается сквозь толпу, оставаясь совершенно расслабленной среди прочих акул. Прослужив почти десять лет в должности Деметры, она все еще считается одной из новейших членов Тринадцати, но уже привыкла к этому миру настолько, будто была

рождена Деметрой, а не выбрана народом, как это обычно происходит.

Толпа расступается перед матерью, и, следуя за ней в смещение ярких цветов, я чувствую, что все смотрят на нас. Чрезмерным вниманием к своей внешности ради подобных мероприятий эти люди напоминают павлинов, но на остальных они смотрят холодными, безжалостными глазами. В этом помещении у меня нет друзей. Только люди, стремящиеся использовать меня в качестве стремянки, по которой могут вскарабкаться на пути к большей власти. Этот жестокий урок я усвоила рано.

Два человека отходят у мамы с пути, и краем глаза я вижу угол комнаты, от которого всеми силами стараюсь держаться подальше всякий раз, как здесь бываю. Там расположен самый настоящий трон, безвкусная вещица из золота, серебра и меди. Его крепкие ножки плавными изгибами переходят в подлокотники, а спинка расширяется, производя впечатление грозовой тучи. Грозный и опасный, под стать владельцу, который желает, чтобы никто об этом не забывал.

Зевс.

Если Олимпом правят Тринадцать, то Тринадцатую правит Зевс. Это наследуемый титул, передающийся от отца к сыну, чей род корнями уходит к первым основателям города. Нынешний Зевс занимает свою должность уже несколько десятилетий с тех пор, как вступил в нее в тридцать лет.

Сейчас ему за шестьдесят. Думаю, он вполне привлекателен, если кому-то нравятся крупные белые мужчины с громогласным смехом, поседевшей бородой и грудью колесом. От его вида у меня бегут мурашки по коже. Каждый раз, когда он смотрит на

меня своими блеклыми голубыми глазами, я чувствую себя животным на торгах. Да даже не животным. Симпатичной вазой или, может быть, статуэткой. Тем, чем можно *обладать*.

Если красивая ваза разобьется, ей легко найти замену. Во всяком случае, если ты Зевс.

Мама замедляет шаг, заставляя Психею отступить назад, и берет меня за руку. Крепко сжимает мою ладонь, молча предостерегая, чтобы я хорошо себя вела, но *ему* улыбается во весь рот.

— Посмотрите, кого я нашла!

Зевс протягивает руку, и мне ничего не остается, кроме как вложить в нее свою ладонь и позволить ему поцеловать костяшки пальцев. Его губы всего на миг касаются моей кожи, но волосы у меня на затылке встают дыбом. Я вынуждена бороться с желанием вытереть тыльную сторону ладони о платье. Наконец он отпускает мою руку. Инстинкт кричит мне об опасности.

Усилием воли я заставляю себя стоять на месте, чтобы не сорваться и не убежать. Мне все равно не удалось бы уйти далеко. Мама преграждает мне путь. И пестрая толпа наблюдает за развернувшимся действием, как стая стервятников, почуявших запах крови. Больше всего эта свора любит драму, и сцена с участием Деметры и Зевса будет иметь последствия, с которыми мне совсем не хочется столкнуться. В *лучшем* случае мать разозлится. А в худшем я рискую оказаться в заголовках желтой прессы, что доставит мне еще больше неприятностей. Разумнее просто переждать, пока не смогу уйти.

Улыбка Зевса кажется слишком теплой.

— Персефона. Ты прекрасно выглядишь сегодня.

Сердце бьется в груди, как птица, пытающаяся вырваться из клетки.

— Спасибо, — бормочу я.

Мне нужно успокоиться, усмирить эмоции. У Зевса репутация человека, который наслаждается страданиями тех, кто слабее его. Я не доставлю ему удовольствия узнать, что он пугает меня. Это единственная моя сила в сложившейся ситуации, и я не стану от нее отказываться.

Он подходит ближе, вторгаясь в мое личное пространство, и понижает голос.

— Я рад, что мне наконец-то выпала возможность поговорить с тобой. Уже несколько месяцев я пытаюсь тебя поймать, — улыбаются лишь его губы, но не глаза. — Достаточно долго, чтобы я начал думать, что ты меня избегаешь.

— Конечно нет.

Мне не отступить назад, не толкнув при этом маму... но пару мгновений я всерьез рассматриваю такой вариант. Мать никогда мне не простит, если я устрою сцену на глазах у всемогущего Зевса. *Выкручивайся. Ты сможешь.* Выдавлив ослепительную улыбку, я начинаю повторять мантру, которая помогла мне пережить весь прошлый год.

Три месяца. Всего девяносто дней отделяют меня от свободы. Через девяносто дней я получу доступ к своему трастовому фонду и с его помощью сбегу из Олимпа. *Я могу это пережить. Я переживу.*

Зевс буквально лучится светом, весь превращается в теплую искренность.

— Знаю, что это не самый традиционный подход, но пора сделать объявление.

— Объявление? — моргаю я.

— Да, Персефона. — Мама подходит ближе, грозно на меня глядя. — Объявление.

Она пытается передать мне какое-то сообщение, но я никак не могу понять, о чем речь.

Зевс снова берет меня за руку, а мама чуть ли не толкает за ним в центр зала. Я бросаю безумный взгляд на сестру, но ее глаза так же широко распахнуты. Что происходит?

Люди замолкают, когда мы проходим мимо, а их взгляды тысячью игл вонзаются в мой затылок. В этом зале у меня нет друзей. Мать сказала бы, что я сама в этом виновата, раз не завожу знакомств, хотя она неоднократно велела мне это исправить. Я пыталась. Правда, пыталась. А месяц спустя поняла, что здесь самые жестокие оскорбления произносятся приятными словами и сопровождаются милыми улыбками. Я сдалась, когда первое же приглашение на обед закончилось тем, что мои слова переврали и поместили в заголовки сомнительных газетенок. Мне никогда не удастся так же хорошо играть в эту игру, как собравшимся в этом зале гадюкам. Меня тошнит от фальшивых масок, двусмысленных оскорблений, слов и улыбок, за которыми последует удар ножом в спину. Я хочу жить нормальной жизнью, но это невозможно, пока мать состоит в Тринадцати.

По крайней мере, это невозможно в Олимпе.

Зевс встает в центре зала и хватается бокал с шампанским, который совершенно нелепо выглядит в его большой руке, будто он собирается раздавить его одним грубым прикосновением. Он поднимает бокал, и гул последних голосов стихает. Зевс широко улыбается всем собравшимся. Легко понять, как он сохраняет преданность окружающих, несмотря на

слухи, которые о нем ходят. Харизма сочтется чуть ли не из его пор.

— Друзья, я был не до конца честен с вами.

— Ну надо же, — слышен чей-то возглас издалека, и по залу проходит волна смешков.

Зевс смеется вместе со всеми.

— Несмотря на то, что официально мы собрались, чтобы проголосовать по вопросу новых торговых соглашений с долиной Сабина, я также хотел бы сделать одно небольшое объявление. Мне уже давно пора найти новую Геру и восполнить наш состав. Я наконец-то сделал свой выбор. — Он смотрит на меня, и его взгляд — единственное предупреждение. Зевс произносит слова, после которых остается лишь наблюдать, как мои мечты о свободе сгорают дотла. — Персефона Димитриу, ты выйдешь за меня?

Я задыхаюсь. Его присутствие высосало из комнаты весь воздух, а свет горит слишком ярко. Я качаюсь на каблуках, оставаясь стоять благодаря одной лишь силе воли. Если упаду, все вокруг набросятся на меня, как стая волков? Я этого не знаю, значит, нужно стоять. Я открываю рот, но не произношу ни звука.

Мать прижимается ко мне с другой стороны, широко улыбаясь и радостно восклицая:

— Конечно, выйдет! Это будет честью для нее. — Ее локоть впивается мне в бок. — Не правда ли?

Отказаться не вариант. Это *Зевс* — король во всем, кроме имени. Он всегда получает желаемое, и, если сейчас я унижу его перед самыми влиятельными людьми Олимпа, он заставит расплачиваться за это всю мою семью. Я проглатываю ком в горле.

— Да.